

Манцевич Лилия Николаевна

*аспирант, факультет международных отношений,
Белорусский государственный университет*

Адрес: 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 20, 511
E-mail: liliyalain@rambler.ru

Французский Иерусалим

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10018

В середине XIX в. Франция заново открывает для себя Палестину – часть ослабленной Османской империи, где были сосредоточены религиозные и политические амбиции европейских стран и Ватикана. До этого на протяжении многих столетий представления французов о Святой земле основывались на образах крестоносцев и борьбы с неверными. Эти образы питали веру в особое право Франции, «старшей дочери Церкви», представлять интересы христиан в Палестине.

Политика Франции в указанный период имела двойственный характер. В стране утверждались республиканские, антиклерикальные ценности, критиковались монархистские и реакционные настроения в католической среде. За рубежом французское руководство оказывало поддержку религиозным общинам и организациям, которые активно действовали, в частности в Палестине, как самостоятельные субъекты. Одним из направлений деятельности религиозных организаций было паломничество.

В начале XIX в. в текстах французских романистов становятся популярными сюжеты о путешествиях на Святую землю. Религиозный мотив этих текстов вместе с характерным для этой эпохи интересом к ориенталистской тематике способствовал росту популярности паломнического движения. Конгрегация ассумпционистов, которая находилась в центре внутреннего паломнического движения во Франции и занималась его популяризацией в прессе, организовала в 1882 г. народное покаянное паломничество на Святую землю, которое стало кульминацией французского «золотого века» в Палестине как с религиозной, так и с политической точки зрения. В этом путешествии участвовали представители всех социальных групп, а его религиозный характер, свободный от праздного любопытства светских путешественников, неоднократно подчеркивался организаторами.

Ключевые слова: Франция, Иерусалим, Святая земля, паломничество, Палестина.

Введение

До начала XIX в. интересы Франции в Палестине были представлены слабо, а в народной памяти образ Святых мест связывался с Иерусалимским королевством, символом недолгого христианского владычества, и с присутствием там католической церкви¹. Латинский патриархат был основан в Иерусалиме в 1099 г., сразу после завершения первого Крестового похода. Когда в 1187 г. Иерусалим был вновь захвачен мусульманами, резиденция Латинского патриарха была перенесена в Акко. В 1291 г. мамлюки заняли этот город, Иерусалимское королевство пало, и патриарх окончательно покинул Святую землю. С того времени и до 1847 г. в Иерусалиме не было Латинского патриарха, а папа был представлен в городе монахами францисканского ордена, которые вернулись в Иерусалим в 1333 г. В 1342 г. Климент VI назначил их хранителями Святых мест (*Custodia Terrae Sanctae*), и они стали де-факто представителями католического населения в Палестине. Несмотря на то, что нет никаких свидетельств, подтверждающих, что им официально была поручена эта миссия, они взяли на себя обязательство защищать католические интересы на Святой земле [Tsimhoni, 1993. P. 116]. Только в первой половине XIX в. Франция «открыла Палестину заново» [об этом см.: Ben Arie, 1979]. Паломнические свидетельства романистов и ориенталистские тексты завоевали популярность у читающей европейской публики, а напряженная обстановка в Леванте привлекла внимание политической элиты к этой части Османской империи. Возвращаясь в Палестину, Франции пришлось столкнуться не только с интересами светских европейских держав, но и с политическими амбициями Ватикана.

Борьба за Иерусалим в истории Франции

Во французском обществе представления о Палестине существовали задолго до политического возвращения страны в Иерусалим. На протяжении столетий они формировались под влиянием мифов и *народных пророчеств*, подчеркивающих привилегированную роль католической Франции в избавлении христианских Святых мест от рук неверных. Примечательно, что пророческая литература в Средние века пользовалась большим успехом, который выходил далеко за рамки религиозного контекста. Пророчество могло аккумулировать в себе суть любого политического или общественно-го послания, а их авторство приписывалось популярным мифологическим фигурам, таким как Мерлин, сибиллы, библейским пророкам или локально известным религиозным персонажам [об этом см.: Trachsler, 2007].

Как указывает французский историк Робер Мандру, священная война христианства против неверных на территории Палестины — единственная историческая тема, присутствующая в популярной литературе, так называемой «голубой библиотеке» (*bibliothèque bleue*)². Эти сюжеты возникали посредством адаптации и популяризации «песен о деяниях» (*chansons de*

¹ Иерусалимское королевство — христианское государство в Леванте, созданное крестоносцами после захвата Иерусалима в 1099 г. В 1187 г. Иерусалим пал, и столицей королевства стал Акко — в таком виде государство просуществовало до 1291 г.

² «Голубая библиотека» — один из видов дешевой популярной литературы, которую продавали торговцы вразнос (*colporteurs*) во Франции XVII в.

geste)³, которые рассказывали о рыцарских подвигах Карла Великого и его паладинов против сарацин [Mandrou, 1964. P. 152]. Многочисленные анонимные предсказания о крахе турок и разрушении ислама в ближайшем будущем, распространенные в XVI и XVII вв., по своему содержанию и посланию заменяли и дополняли эти романтические сказки [Haran, 2004. P. 3]. Во многих пророчествах подчеркивалась роль французской монархии в борьбе с «османским львом». «Французский петух побеждает тысячу львов» («*Galli Leonis tenon sunt; Le coq Franc bat mille lions; et les turbants par millions*») — пророческий девиз «французского рыцаря», который появляется в сборниках авторства Клода Виллетта (1617 г.) или Николая де Ларивея (1644 г.)⁴. Если в XIX в. основными претендентами на роль защитника католических интересов и Святых мест в Палестине были Франция и Ватикан, то в XVII в. на нее претендовала Испания. Французский историк Александр Аран указывает на то, что с начала XVII в. значительную популярность приобрели пророчества на тему крестового похода, который Франция должна была организовать совместно с Испанией [Haran, 2004. P. 9].

Монах ордена капуцинов Мишель Февр в работе «О настоящем состоянии Турции», опубликованной в 1675 г., приводит распространенные предсказания «большинства сект» (т. е. христианских деноминаций, присутствующих в Османской империи), согласно которым король Франции получит власть на территории империи. Этот же автор упоминает в другой работе — «Театр Турции», опубликованной в 1682 г., что Египет и Иерусалим отойдут королю Испании, а Людовик XIV, король Франции в 1643–1715 гг., получит Константинополь [цит. по: Haran, 2004. P. 21]. Аналогичный план разделения был составлен бывшим консулом французского короля в Думьяте отцом Жаном Коппином, автором «Щита Европы, или Священной войны...» (1686 г.), а именно: императорская корона Востока — королю Франции, а власть над Египтом и Святой землей — Испании [Djuvara, 1914. P. 229]. В те же годы, после снятия осады Вены (1683 г.), в Европе ходили слухи, что папа Иннокентий XI предусмотрел европейский крестовый поход, который приведет к завоеванию Османской империи королем Франции [Vojan, 1910. P. 687].

Тем не менее существовали причины менее духовного порядка, которые определяли политику Франции до революции 1789 г. в отношении Османской империи и мусульманских стран в целом. Это политическая целесообразность. Но религиозный фактор тоже всегда присутствовал во французской политике в Палестине. Как при монархии, так и при Директории (1795–1799 гг.), в период Реставрации (1814–1830 гг.) и Второй империи (1852–1870 гг.), до Крымской войны (1853–1856 гг.) и после Берлинского конгресса в 1878 г. Даже когда Третья республика (1870–1940 гг.) стремилась искоренить влияние церкви на жизнь граждан, дипломаты продолжали считать французские религиозные учреждения на Святой земле важнейшим фактором присутствия в регионе. «Антиклерикализм — не продукт на экспорт» — это высказывание, приписываемое Леону Гамбетта⁵, стало

³ *Chanson de geste* (буквально «песнь о деяниях»), или жеста, — жанр французской средневековой литературы эпического содержания. Самая известная жеста — «Песнь о Роланде».

⁴ Клод Виллетт (*Claude Villette*), Николай де Ларивей (*Nicolas de Larivey*) — французские историки католической церкви начала XVII в.

⁵ Леон Гамбетта — французский республиканский политический деятель, премьер-министр Франции в 1881–1882 гг.

в некотором смысле внешнеполитическим правилом [Prononcée dans les couloirs... 2019]. И это правило нигде не применялось так хорошо, как в Палестине, где Франция постоянно напоминала о своей католической самобытности и неизменной заботе о безопасности и благополучии христиан страны.

В XIX в. интерес европейских держав к Палестине активизировался. Этому не в последнюю очередь способствовала кампания Ибрагима-паши в Сирии. Интерес, основанный на стратегических, политических и религиозных факторах, привел к учреждению российского консульства в Яффе в 1812 г., назначению британских вице-консулов (подчиненных генеральному консулу в Александрии) в Хайфе и Яффе, а также открытию британских (1838 г.) и прусских (1842 г.) консульств в Иерусалиме [Eliav, 1997. P. 15]. В 1843 г. Франция вновь открыла свое консульство в этом городе, которое было закрыто с 1717 г. В том же году в Иерусалиме открыла консульство Сардиния, а в 1847 г., спустя шестьсот лет, папа Пий IX послал в Иерусалим Латинского патриарха. Израильский историк Моше Маоз предположил, что это решение было принято под французским влиянием или, как минимум, с оглядкой на Париж [Ma'oz, 1968. P. 218].

Как правило, европейские государства назначали консулов в города Сирии и Леванта, руководствуясь экономическими соображениями. Исключением был Иерусалим, куда в 1621 г. король Людовик XIII отправил консула Проспера Дие, поручив ему защиту интересов и безопасности христианского духовенства, после чего французские консулы находились там до 1717 г.

Поэтому назначение французского консула в Иерусалиме повторно в середине XIX в. примечательно по двум причинам. Во-первых, оно состоялось после длительного перерыва, а во-вторых, было обусловлено упомянутыми выше идеологическими и политическими соображениями, сокрытыми за религиозными мотивами. По существу, в рассматриваемый период вопросы религии в большей степени характеризовали интерес Британии к Святой земле [Roroff, 1910. P. 130]. Что касается экономических интересов Франции, Иерусалим как область, где необходимо было их защищать, не представлял существенной ценности.

Консулом стал Габриэль де Лантиви, отметивший в своем письме министру иностранных дел Франции Франсуа Гизо, что его немедленная цель состоит в том, чтобы «...принести в регион порядок, мир, просвещение и все блага цивилизации» [MAE, vol. 2, fols. 9–10]. Такая формулировка представила французские амбиции в Палестине как далеко выходящие за рамки «традиционной» защиты интересов католических христиан. К тому же еще с конца 1820-х гг. Франция проявляла интерес к североафриканской части Османской империи (в 1830 г. Франция заняла Алжир). Это событие стало важной вехой в истории создания второй французской колониальной империи (1814–1962 гг.).

Как было отмечено выше, французские амбиции в Палестине конкурировали с интересами Ватикана, который намеревался восстановить Латинскую патриархию в Иерусалиме. До эпохи Пия IX (1846–1878 гг.) церковные дела с Османской империей велись через консулов католических стран. Пий IX изменил подход Святого престола по отношению к посредничеству заинтересованных сторон, в частности Франции. Это стало элементом независимой политики и дипломатии, которую он начал проводить по отношению к Османской империи с целью получения торговых преференций. Ранее, в 1838 г., был заключен англо-турецкий договор о либерализации

двусторонней торговли, а следом за ним появились аналогичные соглашения с другими европейскими государствами. Возможно, торговый договор служил прикрытием истинного намерения получить капитуляции, которые предоставили бы Святому престолу протекторат над христианами-католиками, подобно тому, который получали светские государства. В мае 1847 г. Пий IX назначил Латинским патриархом Джозефа Валергу, уроженца Сардинии, что в очередной раз продемонстрировало независимость Ватикана от притязаний Франции, которая опасалась «итальянской революции» и влияния Сардинского королевства [Shalit, 1996. P. 145].

Важной представляется роль неполитических субъектов, представляющих интересы Франции в Палестине. Французский историк Бертран Ламур упоминает особую роль женских конгрегаций, чье появление отразило возрождение французского католицизма и впечатляющий рост французского населения в Палестине в конце XIX в., в тот самый момент, когда на территории Франции доминировали идеи республиканизма и антиклерикализма. Сестры Святого Иосифа, открывшие в 1859 г. в Иерусалиме гостиницу «Сен-Луи», сотрудничали со всеми католическими общинами Палестины, в том числе в Яффе, Вифлееме, Рамале, Назарете, Наблусе. Они проложили путь для деятельности сестер двух других больших общин — сестрам Нотр-Дам де Сион, конгрегации, основанной отцом Ратисбонном, и дочерям Милосердия, которые, по примеру сестер Святого Иосифа, основывали школы, интернаты для сирот, а также центры опеки [Lamure, 2004. P. 43].

Французские религиозные ордены не ограничивали свою деятельность благотворительностью. Они были активно вовлечены в научное «открытие заново» Палестины европейцами, которое началось во времена египетского присутствия в этой части Османской империи (1830–1840 гг.). Французский исследователь Доминик Тримбур посвятил одну из своих работ Библейской и археологической французской школе в Иерусалиме, где он иллюстрирует французский вклад в палестинские исследования. Основанная доминиканцами в 1896 г., школа стала важным фактором французского влияния на Святой земле, в частности, благодаря усилиям его основателя — отца Лагранжа, который, работая под эгидой Академии надписей и изящной словесности, сумел добиться для своего учреждения двойного статуса (и религиозного, и республиканского) [Trimbur, 1998]. Израильский историк Хаим Горен писал о другом пионере французской науки в Леванте, малоизвестном Шарле Гейярдо, «последователе Ренана», враче, археологе, географе и ботанике, который провел большую часть своей жизни в Египте, Ливане и Палестине. В 1860 г. Гейярдо принял участие в первой французской разведывательной миссии в Ливанских горах, а затем, в 1863 г., присоединился к археологической экспедиции барона Фелисьена де Солси в Иерусалиме [Goren, 2004. P. 109]⁶.

Внимания заслуживает один из крупных институтов иудаизма во Франции и в мире — Всемирный еврейский союз (*Alliance israélite universelle*), который транслировал французское и франкофонное влияние на территории Палестины. Действуя там с начала 1870-х гг., представители союза основали несколько учебных заведений, в том числе школу-ферму Микве Израэль рядом с Ришон-ле-Ционом. Влияние Всемирного еврейского союза было

⁶ Фелисьен де Солси (1807–1880 гг.) — французский археолог, историк и нумизмат, военный инженер по образованию, сенатор при Наполеоне III. Вел раскопки древнего некрополя Иерусалима — гробниц царей Иудейских в нескольких сотнях метров к северу от Старого Города.

особенно велико среди сефардских общин, которые, как и сам союз, довольно долго оставались критически настроенными по отношению к сионистским идеям [Fischer, 1942. P. 272].

Таким образом, французское влияние в Леванте, включая Святую землю, в конце XIX — начале XX в. было неоспоримым. Накануне Первой мировой войны территориальные претензии этой страны не были секретом ни для европейских государств, ни для христианского населения этой части Османской империи. Эти претензии неизменно сопровождались дискуссиями о пространственных формах и границах французской зоны интереса. Обсуждался вопрос о том, что представляла из себя эта территория: «Великая Сирия» в естественных границах (*Syrie d'El-Arish au Taurus*) или «Малая Сирия», включающая Ливан, но не Палестину [Taleb, 2018. P. 114].

Вероятно, интерес к Святым местам со стороны «атеистической и агностической» Франции не устраивал православную Россию так же, как и амбиции Италии и Ватикана. Впрочем, эти соображения скоро утратили смысл: в 1912 г. Великобритания признала французские интересы в регионе. За ней последовали (всего за несколько месяцев до начала Первой мировой войны) Германия и Османская империя, которая предоставила Франции портовые концессии в Яффе и Хайфе, а также позволила расширить сеть железных дорог. Но события мировой войны поставили под сомнения достижения Третьей республики в регионе. Оттесненная британцами из Палестины после Декларации Бальфура 1917 г. и взятия Иерусалима генералом Алленби, Франция была вынуждена восстанавливать свое влияние на Святой земле на протяжении последующих нескольких лет. Это было сложной миссией, которую французский историк Генри Лоуренс тщательно проанализировал в своей работе, посвященной «переопределению миссии французского консульства в Иерусалиме» [см. об этом: Laurens, 2004]. После периода колебаний, который закончился на конференции в Сан-Ремо, Франция наконец смирилась с новой реальностью, навязанной англичанами, и решила уйти (в политическом смысле) из Палестины. Сдержанная в своих симпатиях к сионистам и подозрительная по отношению к арабским националистам, Франция практически полностью отсутствовала в серьезных процессах, происходивших в Палестине в 1920-х и 1930-х гг. Эта осторожность привела к неумолимому снижению французского влияния во всех областях и, в частности, к постепенному исчезновению французского языка из культурной жизни Палестины.

Капитуляция Франции в 1940 г. и установление режима Виши не способствовали возвращению страны в регион. Это отметила французский историк Катрин Нико в своей работе «Французы и англичане в Леванте в 1939–1941 гг.», где показала, что, не доводя ситуацию до открытого конфликта, англичане тем не менее воспользовались французскими неудачами в Палестине [Nicault, 2004. P. 264]. Появление генерала Шарля де Голля на политической сцене существенно не повлияло на ситуацию, которая оставалась неблагоприятной для Франции до конца Второй мировой войны.

После войны на первый план выходит фактор сионизма. В 1945–1948 гг. Франция становится центром сионистской деятельности, разумеется, направленной против Англии. Французское руководство оказывало поддержку незаконной иммиграции евреев в Палестину, осуществляло поставки оружия для Хаганы; во французской прессе неблагоприятно для британских

властей освещалась история с судном *Exodus* и т. д.⁷ Так, в период борьбы *иешува* с Британским мандатом французское руководство сделало поддержку сионистского движения частью своей политики в Палестине [Nicault, 1992. P. 141]. Это способствовало настоящему перевороту в общественных настроениях, учитывая тот факт, что в предшествующие годы поддержка сионизма носила фрагментарный характер [см. об этом: Mantsevich, 2019].

Первые симпатии по отношению к сионизму Париж продемонстрировал в 1917 г. Израильский историк Эдвард Кауфман пишет, что одна из таких инициатив опередила британцев и их Декларацию Бальфура. Так, 4 июня 1917 г. было опубликовано письмо, так называемая «Камбонская декларация», в которой Франция заявляла о намерении «...способствовать возрождению еврейской национальности на той земле, с которой так много веков назад был изгнан народ Израиля» [Kaufman, 1979. P. 374]. Это письмо, правда, было забыто, как только его получил один из лидеров сионистского движения Наум Соколов. Только после окончания Второй мировой войны и создания Государства Израиль в отношениях между ним и Францией начался так называемый «медовый месяц». Именно так называют этот период франко-израильской дружбы, который продолжался до начала Шестидневной войны 1967 г.

«Французский Иерусалим» глазами паломников

Прагматичное отношение к Палестине и исторической роли Франции на ее территории было частью колониальных амбиций на Ближнем Востоке. Но эти амбиции были не единственным источником представлений о Святых местах во французской общественно-политической жизни. Служители католической церкви и члены религиозных организаций во Франции полагали, что антиклерикальные республиканские ценности подрывают духовный авторитет Франции в мире, в том числе на Востоке, и рассчитывали, что восстановление связи с Палестиной посредством паломничества возродит религиозную идентичность французов.

Первые свидетельства о французских паломниках в Палестину появились задолго до Крестовых походов. Французский археолог Людовик Лаланн в 1846 г. писал о том, что до V в. из римской провинции Галлии не поступало свидетельств о паломниках. Что, по его мнению, не является достаточным поводом заключить, что этот регион оставался в стороне от путешествий христиан в Палестину. Автор указывал на «Бордоский итинерарий» (или «Иерусалимский итинерарий», на французском — *L'itinéraire de Bordeaux à Jérusalem*), обнаруженный позже и представляющий собой краткий путеводитель по Палестине, составленный христианином и описывающий его путь от Бурдигалы (Бордо) до Иерусалима и возвращение от Гераклеи (часть современной Македонии) через Рим в Медиолан (Милан). Лаланн пишет, что автор, который пересек Константинополь в 333 г., затруднялся назвать каждый город на своем пути и расстояния, которые разделяют населенные пункты. Но он старательно описывал окрестности Иудеи и соотносил их с событиями Священного Писания [Lalanne, 1846. P. 3]. Французский историк Пьер Мараваль писал, что эта хроника является старейшим рассказом

⁷ Хагана — основанная в 1920 г. еврейская сионистская военная подпольная организация в Палестине, существовавшая во время Британского мандата в Палестине; *Exodus* — один из крупнейших кораблей, которые пытались нелегально доставить еврейских беженцев в Палестину, находившуюся в то время под Британским мандатом.

о паломничестве, которое дошло до нас: «Мы не знаем его имени и его состояния [...] предполагалось, что он был императорским чиновником. В любом случае, этот путешественник — настоящий паломник, который путешествует, чтобы увидеть и почтить места, которые он считает святыми» [Maraval, 1996. P. 228]. Это позволяет предположить, что сюжеты, связанные со Святыми местами, транслировались с помощью литературы паломнического жанра на территории Франции еще до того, как они стали предметом мифов и пророчеств, связующих *политическую историю* французской государственности с Иерусалимом. То есть до Крестовых походов.

Тем не менее, расцвет движения как массового явления, нашедшего отражение в появлении специфического литературного жанра и тематической прессы, начался в XIX в. и совпал с возросшим интересом Парижа к Иерусалиму.

С начала XIX в. французские паломники, многие из которых были в большей степени туристами или искателями приключений, чем благочестивыми католиками, активно осваивали Святую землю. Один из образов, который приобретает Палестина в этот период, — *первородная земля*. Французский поэт Альфонс де Ламартин называет эту землю «той, чьи имена тысячу раз произносили мои губы в детстве, той, чьи образы были первыми, что наполнили красками мое юное и нежное воображение» [Clausse, 1994. P. 33].

Франсуа де Шатобриан был примером для паломников первой половины XIX в., он начал свою литературную карьеру во время путешествия на Восток в 1806 г. [Chateaubriand, 1969]. Именно после публикации его «Путеводителя от Парижа до Иерусалима» в 1811 г. многие паломники решили повторить его путь. Этот пример сыграл, используя выражение историка французской литературы Фернанда Бассона, будоражащую роль «вдохновителя умов». Писатели-романисты Ламартин, Флобер и Нерваль нашли в Палестине вдохновение для творчества, что привнесло в ее репрезентацию элемент приключенческого нарратива. Примечательно, что Гюстав Флобер посетил Иерусалим и Гроб Господень и остался скептически настроенным путешественником, в отличие от своего спутника, французского журналиста Максима Дюкана, который был глубоко тронут Святыми местами и одним из первых запечатлел их на фотографиях [Lamure, 2004. P. 9].

Паломнические записки начала XIX в. создают впечатление, что Святая земля оставалась не тронутой прогрессом и неизведанной со времен паломника из Бордо, что делало путешествие затруднительным предприятием. Шатобриан в 1806 г. так описывает свое снаряжение: «Мои принадлежности состояли из ковра, на котором можно было сидеть, курительной трубки, чаши для кофе и нескольких шалей, чтобы оборачивать ими голову ночью» [цит. по: Lamure, 2004. P. 10]. Писатель добавляет, что во время ночлега на открытом воздухе седло служит ему подушкой, а пальто — одеялом.

До того, как были оснащены дороги и появились железнодорожные пути, соединяющие Яффу и Иерусалим, паломники передвигались тропами, а лошадь и мул были незаменимыми спутниками. Отец Жерамб, автор «Паломничества в Иерусалим и на гору Синай», в 1832 г. прибыл в Яффу и отправлялся в Иерусалим. Об этом эпизоде он писал следующим образом:

«Не могу передать, как я испугался, когда увидел, что у мула, на котором я должен выезжать из Яффы, вместо седла была огромная сумка, наполненная всякими вещами; стремяна — плохие веревки; вместо уздечки — цепь на шее. И хотя я ругал, и молил, и обещал деньги, все это было напрасно: я должен был сесть на седло мое

и сжимать его, как только мог [...] что же будет отсюда и до Иерусалима. [...] Еще двенадцать или четырнадцать часов, что будет со мной?» [Géramb, 1901. P. 77].

Действительно, лошадь или мул оставались незаменимыми партнерами паломников и драгоманов до конца века, в основном в горных или крутых регионах, таких как Самария или Иудейская пустыня.

Именно паломники-романисты, в том числе Шатобриан, снова «открыли тему» Святой земли для католического населения Франции, своими трудами дали понять, что Иерусалим все еще существует, что этот город — место зарождения их веры, а Палестина — священное пространство. Образованные, обеспеченные, ищущие приключений, зачастую религиозные (не всегда, как показывает пример Флобера), они знали, как преподнести мысль о том, что есть только одно паломничество, имеющее значение для истового христианина, — паломничество в Иерусалим. Этот нарратив умалял трудности дороги и опасности неожиданных встреч, романтизировал религиозный подвиг.

В 1853 г. происходит событие, аналогов которому не было на протяжении предшествующих столетий, — массовое паломничество на Святую землю. Этому способствовала и политическая ситуация, о которой автор писала выше. Положение католиков в Палестине становилось все более нестабильным в условиях роста числа православных и активизации интересов европейских государств. Восстановление в 1847 г. Латинского патриархата и возвращение французского консула дали надежду и поддержку (в частности, финансовую) католической общине Палестины. Общество святого Викентия де Поля, основанное французским консульством, рассчитывало на восстановление традиции паломничества из Франции.

Этот призыв католиков Святой земли привел к созданию Комитета паломничества на Святую землю членами Общества святого Викентия де Поля. Первый караван отправился в конце лета 1853 г. Адрес этого комитета — штаб-квартира общества, которая находилась на улице Фюрстенберг в Париже. Поэтому в паломнической литературе экспедиции, организованные комитетом, часто называют *караванами улицы Фюрстенберг*. В первой статье Положения о паломничестве на Святую землю указаны две цели: «облегчить путешествие в Палестину для всех католиков [...] Возродить благочестие и милосердие по отношению к святым местам» [Bulletin de l'Œuvre des Pèlerinages... 1856].

Материальная сторона вопроса была важна для паломников, которые хотели бы отправиться в Святые места, но расходы и риски заставляли их отказаться от этой идеи. Все путешественники и паломники, посещавшие Палестину и Восток самостоятельно в первой половине XIX в., возвращались с рассказами об опасных приключениях, об угрозах бандитских нападений, грабежей и недобросовестных торговцев. Кроме того, путешествие — дорогое предприятие, а паломничество в караване из десяти и более христиан значительно снижало стоимость поездки, которая могла длиться несколько месяцев. Так, Иерусалим, долго забытый и игнорируемый среди французских католиков, снова начал принимать караваны «мирных крестоносцев».

Паломничество летом 1853 г. представляло собой караван из сорока мирян и священников. В караване участвовали представители Общества святого Викентия, миряне из Парижа, три члена Лионской епархии и два иностранца (бельгиец и англичанин). К паломничеству присоединился отец Ланженье, викарий из церкви святого Роха (Париж), который сделал

в последующем блестящую карьеру, став легатом папы на Евхаристическом конгрессе в Иерусалиме в 1893 г.

Как пионерское путешествие это паломничество носило исключительно религиозный характер, и есть основания полагать, что намерения участников действительно ограничивались молитвой в Святых местах. Как показывают свидетельства, следующие караваны зачастую состояли из людей, которые, пользуясь случаем, предпочитали наслаждаться экзотикой Востока. За караваном 1853 г. последуют еще пятьдесят четыре подобных путешествия, которые с 1855 г. будут организовываться дважды в год: на Пасху и в августе, так называемое «отпускное паломничество» (*pèlerinage des vacances*). Так, в период Второй империи паломничество приобрело определенную закономерность (даже если число паломников не превышало дюжины), и только после 1870 г. этот порядок нарушился из-за уменьшения численности желающих [Lamure, 2004. P. 18].

Первая коллективная паломническая поездка на Святую землю открыла путь для более многочисленных и ревностных пилигримов. Речь идет о паломничествах конгрегации ассумпционистов, основанной в 1845 г. в Ниме⁸. Они начали свой призыв в 1873 г., и более тысячи католиков откликнулись на него. Это *народное, покаянное* паломничество приветствовала не только католическая элита Франции и Палестины, но и консул в Иерусалиме [Clausse, 1994. P. 32].

Французский историк Рене Ремон пишет об этом так: «Во Франции в течение тридцати лет, в 1871–1901 гг., ассумпционисты, не имевшие славного прошлого и прославленных мыслителей, оставили свой след во французском католицизме» [Rémond, 1962. P. 7]. Рост популярности этой конгрегации в 1870-х гг. объясняют два аспекта: организация массовых паломнических путешествий и издание собственной прессы. В августе 1872 г. при конгрегации был создан Всеобщий паломнический совет. В том же году состоялось первое паломничество в Ля Салетт (туда паломники отправлялись каждое лето до 1898 г.), в 1873 г. — в Лурд (паломники отправлялись туда каждый год 15 августа до Первой мировой войны) и Рим [Lamure, 2004. P. 14].

Еще одно направление деятельности ассумпционистов, которое развивалось параллельно с внутренним паломничеством, — это пресса. Она должна была работать на благо католического дела, для установления царствования Божьего. 12 июля 1873 г. по инициативе Всеобщего паломнического совета был опубликован первый номер журнала «Le Pèlerin», небольшого бюллетеня, блестящую судьбу которого вряд ли можно было предвидеть в тот момент. В 1883 г. ими была основана первая католическая газета «La Croix», которая практически сразу стала популярной. Быстро завоеванная репутация в католических кругах позволила создать благоприятную рекламу для паломнических проектов. Другим преимуществом было присутствие во главе ежедневной газеты отца Винсента де Поля Байи, выдающегося публициста своего времени, который параллельно со своей журналистской работой сопровождал караваны паломников на Святую землю в 1883–1910 гг.⁹

⁸ Ассумпционисты, августинцы Успения Пресвятой Богородицы — католическая монашеская конгрегация, близкая к августинцам. Основана французским священником Эммануэлем д'Альзоном в 1845 г. в Ниме, Франция.

⁹ Венесан де Поль Байи (1832–1912 гг.) — французский католический священнослужитель и публицист, основатель еженедельного издания *Le Pèlerin* (1873 г.) и ежедневной католической газеты *La Croix* (1883 г.).

В начале 1870-х гг. Франция пережила тройное потрясение: поражение в войне с Пруссией, вынужденное изгнание папы Пия IX в Ватикане и, наконец, события Парижской коммуны. Католики Франции полагали, что они должны вернуть стране роль «старшей дочери Церкви». 1873–1877 гг. — период, известный как политика нравственного порядка, был отмечен поисками в католических и роялистских кругах новых ориентиров. Одним из таких ориентиров были воспоминания о союзе креста и короны во времена старого порядка, до 1789 г. А после событий Парижской коммуны среди католического населения Франции, в основном стараниями духовенства, стала распространяться идея о необходимости искупления за грехи республиканского и революционного неверия. И один из возможных сценариев искупления — паломничество [Trénard, 1962. P. 408].

Успех паломнических путешествий на территории Франции, которые ассумпционисты организовывали с 1872 г., натолкнул их лидеров на идею паломничества в Палестину. Святая земля представлялась как священное пространство, забытое католиками в руках «неверных» и «раскольников», в католической прессе стали появляться образы новых Крестовых походов. Предполагалось, что паломничества должны были укрепить веру французских католиков, переживающих сложные времена, с помощью вдохновляющих образов библейской географии.

В 1880 г. конгрегацию ассумпционистов возглавил отец Пикард, которому помогал Венсан де Поль Байи. С 1881 г. в прессе, в том числе в *Le Pèlerin*, печатались многочисленные статьи о паломничестве на Святую землю. Цель состояла в том, чтобы показать, что спрос на такую экспедицию растет по всей стране: «После покаянных слез в Ля Салетт и триумфов Лурда давайте же попросим Непорочную Деву привести нас в Иерусалим. Там мы найдем окончательную цель наших устремлений, которые в дни скорби приводят христианство к святыням, где кроются для них надежды и, скажем больше, уверенность в Спасении» [*Le Pèlerin*, 1881]. На рубеже 1870–1880-х гг. ревностные католики проповедовали покаяние для Франции, полагая, что борются с достижениями светской республики. Опасность была тем более велика, что республика укрепила свои позиции после принятия конституции в 1875 г., выборов в 1877 г. и добровольной отставки маршала Патриса де Мак-Магона¹⁰.

Для ассумпционистов Палестина — это *земля спасения* для истовых католиков, чья вера терпит испытания республиканскими ценностями¹¹. Если оставить в стороне их стремление к сверхъестественному вмешательству в ход истории и поиск священного пространства, важной задачей было практически установить связь с территорией, где отсутствовала инфраструктура и европейский комфорт.

Был еще один аргумент — необходимость помочь католической вере против раскольников: «Ежегодно десять тысяч русских, как и много раскольников-греков, отправляются на Святую землю: Истинная Церковь представлена там лишь несколькими десятками своих детей! Мы хотим, чтобы этому положению дел был положен конец, и показать Востоку, что мы не полностью и абсолютно потеряли преданность Гробу Господню» [*Le Pèlerin*, 1881].

¹⁰ Патрис де Мак-Магон (1808–1893 гг.) — французский политический и военный деятель, сенатор (1856–1870 гг.) и президент Третьей республики (1873–1879 гг.).

¹¹ В 1880 г. республиканский режим издал закон, запрещающий несанкционированные собрания, в том числе и ассумпционистские.

В конце 1881 г. было принято решение начать большое народное *покаянное* паломничество на Святую землю в 1882 г. под руководством Всеобщего паломнического совета и ассумпционистов. Проект паломничества базировался на двух идеях: необходимости покаяния от лица Франции и каждого паломника в отдельности и массовости, народном характере путешествия. Ассумпционисты прекрасно понимали, что их паломничество будет успешным только в том случае, если им удастся сделать его доступным для народных масс, а не только для элиты богатых католиков, как это было в случае с караванами улицы Фюрстенберг.

Организаторы рассчитывали, что это паломничество станет знаковым событием не только в республиканской, светской, даже антиклерикальной Франции, но и в мусульманской и раскольнической Палестине. Они единогласно заявили, что это не экзотическое путешествие на Восток с целью удовлетворить растущий спрос на впечатления европейских любителей ориенталистики, но акт покаяния в местах, где страдал Христос.

Что касается народного характера паломничества, как автор отметила выше, его доступности организаторы уделили особое внимание. Они предложили три тарифа: первый класс — 550 франков, второй — 425 франков и третий — 250 франков. Эти тарифы включали транспорт из Марселя в Яффу, а затем в Иерусалим и обратно, при этом часть расходов на питание путешественники должны были взять на себя. Стоимость пребывания в Иерусалиме не покрывается, но достойны кающиеся и «те, кто умеет обходиться очень простыми удобствами и едой, ведь они легко смогут потратить не более двух франков в день» [Le Pèlerin, 1882]. Стоимость путешествия с караваном улицы Фюрстенберг (кроме того, что оно не предполагало третьего класса) составляло на Пасху 1882 г. 1410 франков в первом классе и 1215 франков во втором. Ассумпционистам удалось предложить очень привлекательные цены, соответствующие «народническому» взгляду на паломничество.

Папа Лев XIII приветствовал это предприятие в своем обращении в Риме 6 марта 1882 г. и позднее весной 1882 г., заявив, что проект *покаянного крестового похода* стал реальностью. 5 мая 1882 г. 1013 паломников высадились в Хайфе [Trimbur, 1998. P. 37].

Тот момент, когда паломник видит Иерусалим первый раз, ступает на его территорию, описывается как один из самых ярких моментов его паломничества. Для участников путешествия эти эмоции дополнило чувство причастности к истории: они считали себя крестоносцами с четками, совершающими девятый крестовый поход. Участник похода аббат Бальди в своем «Журнале паломника в Святую землю» описывает это так:

«По мере того, как мы идем, мы просто идем вверх и вниз, и холмы кажутся голыми и почти лишенными растительности. Каждую секунду мы ожидаем появления Святого Города на горизонте, но каждую новую возвышенность все сложнее подняться. Иерусалим — это действительно небесный образ, туда можно попасть только после долгого ожидания и трудного пути. Тем не менее [...] мы поднимаемся на новую высоту, и вдруг мы видим стены, дома, купола, сияющие под последними лучами солнца. Минареты... какие эмоции! Какое неопишное счастье! Это Иерусалим, святой Иерусалим! Мог ли я никогда не ступить на землю и не поклониться! Но мы становимся в большой круг и поем вместе "Loetatus sum..." Я возрадовался... мы идем в дом Господень» [Baldy, 1906. P. 22].

«Небесным мгновением» для тысяч паломников-крестоносцев, прибывших на Святую землю, была процессия у Яффских ворот и у Гроба Господня. Один из участников паломничества писал об этом так: «Это не армия завоевателей со звуком труб и грохотом оружия. Это мирная армия воинов Иисуса Христа [...] Крест и Розарий — это оружие, которое сияет в наших руках и на наших одеждах» [Mourot, 1906. P. 241]. Его дополняет другой паломник:

«Мы идем по двое в длинной очереди. Толпа огромная. Весь Иерусалим на ногах. Евреи, мусульмане и *раскольники* спешат взглянуть на нас. Католики сияют от счастья. Возможно, это величайший день триумфа для них с тех пор, как Иерусалим был отвоеван у крестоносцев [...] Кортёж следует в процессии. Турецкие войска защищают его. Паша здесь, чтобы приветствовать католическую Францию. Французский консул там со своими янычарами. Мы начинаем шествие. Г-н де Белкастель, католический оратор, держит [...] знамя Святого Сердца с патриотической гордостью. Государственный флаг развевается рядом с ним. Поют гимны и песнопения. Тысячи поют *Te Deum* и *Magnificat*» [Alazard, 1985. P. 108].

У Б. Ламура можно найти подробное описание маршрута паломников в этом путешествии и вспомогательных административных мероприятий на местах. У организаций и институтов, представляющих интересы Франции в Палестине на тот момент, не было достаточно ресурсов для того, чтобы обеспечить максимально комфортное путешествие. Тем не менее исследователи сходятся во мнении, что он стал кульминацией французского католического присутствия в Иерусалиме, ключевой вехой *золотого века* Франции в Палестине. События этого века были вписаны в историю французского присутствия в Палестине силами католических кругов, чьи интересы не были достаточно представлены в светских геополитических проектах Парижа времен Третьей республики.

Заключение

С политической точки зрения Франция, благодаря своему статусу, определенному капитуляциями, полученными от Османской империи, оставалась защитницей католических подданных на территории Палестины. Какими бы ни были превратности внутренней политики, Франция продолжала внимательно следить за ситуацией на Востоке. Несмотря на промахи сменявших друг друга правительств, ее положение оставалось привилегированным в Палестине и Иерусалиме. Крымская война, в частности, позволила Франции получить от Порты преференции, такие как базилика святой Анны в Иерусалиме, сохранившая статус французской территории и места памяти. Базилика — то место, где «Франция, которая остается» (*La France qui reste*) и «Франция, которая ушла» (*La France qui passe*) встречаются во время французских паломничеств.

В XIX в. Франция заново открывает для себя Палестину — часть ослабленной Османской империи, где были сосредоточены религиозные и политические амбиции европейских стран и Ватикана.

В этот период Франция вела двойную политику: на своей территории она отстаивала светские ценности, а за рубежом оказывала поддержку религиозным общинам, которые активно действовали там как самостоятельные

субъекты. На территории Франции активный интерес к Святым местам поддерживался деятельностью религиозных организаций. С одной стороны, они выражали недовольство внутренней политикой и недостаточной духовностью республиканской власти, с другой — считали себя наследниками религиозных амбиций Франции времен старого порядка, хотели вернуть ей право называться «старшей дочерью Церкви». Конгрегация ассумпционистов, которая находилась в центре внутреннего паломнического движения во Франции и занималась его популяризацией в прессе, организовала в 1882 г. народное покаянное паломничество в Палестину. Несмотря на то что французские путешественники активно посещали Святую землю еще в первой половине XIX в., когда интерес к ней начали подогревать писатели-романисты, именно паломничество весной 1882 г. стало кульминацией французского «золотого века» в Палестине как с религиозной, так и с политической точки зрения. В этом путешествии участвовали представители всех социальных групп, а его религиозный характер, свободный от праздного любопытства любителей ориентальной экзотики, неоднократно подчеркивался организаторами.

Литература

Abbé Alazard. *En Terre Sainte*. Rodez, 1895.

Abbé Baldy. *Journal d'un pèlerin en Terre Sainte ou relation du premier pèlerinage populaire à Jérusalem en 1882*. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1882.

Abbé Mourot. *La Terre Sainte et le pèlerinage de pénitence en 1882*. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1885.

Ben Arieh Y. *The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century*, Jérusalem, Magnes Press, 1979.

Bojani de F. *Innocent XI, sa correspondance avec ses nonces*. Rome: Desdee et C., 1910.

Bulletin de l'Œuvre des Pèlerinages, tome I (07/1856-10/1858), Archives assumptionnistes de Jérusalem.

Chateaubriand de F-R. *Œuvres romanesques et voyage*, Tome II, Paris, Gallimard, 1969.

Clausse N. *Récits de voyages en Terre Sainte (1820–1870)*. Thèse de doctorat. Université des sciences humaines de Strasbourg, 1994.

Djuvara T.G. *Cent projets de partage de la Turquie*. Paris: F. Alcan, 1914.

Eliav M. *Britain and the Holy Land, 1838-1914: Selected Documents from the British Consulate in Jerusalem*. Jerusalem, 1997.

Fischer E. *The Mikveh Israel School during the War Years, 1914–1918*. *Jewish Social Studies*, 1942, vol. 4, no. 3, pp. 269–274.

Géramb de R.P. *Pèlerinage à Jérusalem et au Mont Sinai*. Paris, pp. 76–77.

Goren H. Charles Gaillardot, *Renan's Man-in-the-Field: Physician and Scholar*. M. Abitbol (ed.), *France and the Middle East: Past, Present and Future (World Powers and the Middle East, The Harry S. Truman Institute)*. Jerusalem: Magnes, 2004, pp. 99–124.

Haran A.Y. *L'idée de Croisade En France Au XVIIe Siècle*. *France and the Middle East; Past, Present, and Future*. Edited by Michel Abitbol. Jerusalem: Hebrew University, Magnes Press, 2004, pp. 3–22.

Kaufman E. *The French Pro-Zionist Declarations of 1917–1918*. *Middle Eastern Studies*, 1979, vol. 15, no. 3, pp. 374–407.

Lalanne L. *Des pèlerinages en Terre sainte avant les croisades*. In: *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1846, tome 7. pp. 1–31.

Lamure B. *Le premier pèlerinage populaire de pénitence en Terre Sainte*. *Bulletin du Centre de recherche français à Jérusalem*, 14, 2004, pp. 9–34.

Laurens H. *La redéfinition des missions du consulat général de France à Jérusalem sous le Mandat*. M. Abitbol (ed.), *France and the Middle East: Past, Present and Future (World Powers and the Middle East, The Harry S. Truman Institute)*. Jerusalem: Magnes, 2004, pp. 167–183.

Le Pèlerin, n° 255, 1881.

Le Pèlerin, n° 264, 1882.

Ma'oz M. *Ottoman Reform in Syria and Palestine 1840–1861*. Oxford: Oxford University Press, 1968, pp. 218–219.

MAE. *Correspondance Commerciale*. Jérusalem, 1842–1847, vol. 2, fols. 9–10.

Mandrou R. De la culture populaire au XVIIe et XVIIIe siècles: La bibliothèque bleue de Troyes. Paris: Stock, 1964.

Mantsevich L. Creation of the State of Israel and the Jewish Community in France. Tsaytskrift, 2019, vol. 6 (11), pp. 193–198.

Maraval P. Récits des premiers pèlerins chrétiens au Proche-Orient (IVe-VIe siècle). Textes choisis, présentés, traduits et annotés par Pierre Maraval (Sagesses chrétiennes). Paris: Les Éditions du Cerf, 1996.

Nicault C. Français et Anglais au Levant de 1939 à 1941: les paradoxes d'une relation triangulaire, dans Abitbol M. (éd.), pp. 247–273

Nicault C. La France et le sionisme, 1897–1948. Une rencontre manquée? Paris: Calmann-Lévy, 1992.

Popoff A. La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXe siècle. St. Petersburg: Imprimerie «Russo-Française», 1910.

Prononcée dans les couloirs de la Chambre des députés de Léon Gambetta. URL: <https://dicotations.lemonde.fr/citations/citation-6725.php> (accessed 15.05.2020).

Rémond R. Le Père François Picard et le P. Vincent de Paul Bailly dans les luttes de presse. Rome: Paul Castel, 1962.

Shalit Y. Nicht-Muslime und Fremde in Aleppo und Damaskus im 18 und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts, Berlin: K. Schwartz, 1996.

Taleb S.A. La Colonisation de l'Orient arabe (1914–1918): Des Accords Sykes-Picot à la Déclaration Balfour. BoD – Books on Demand, 2018.

Trachsler R. Mout obscuras paroles. Etudes sur la prophétie médiévale, dir. avec la collaboration de Julien Abed et David Expert. Paris: PUPS, 2007.

Trénard L., Latreille A. et Remond R. Histoire du catholicisme en France. T. III. La période contemporaine, 1962.

Trimbur D. Une présence française en Palestine – Notre-Dame de France. Bulletin du Centre de recherche français à Jérusalem, 1998. URL: <http://journals.openedition.org/bcrfj/3962> (accessed 12.04.2020).

Tsimhoni D. Christian Communities in Jerusalem and the West Bank since 1948: An Historical, Social, and Political Study, Wetsport, Conn.: Praeger, 1993.

Liliya N. Mantsevich

PhD student, Faculty of International Relations, Belarusian State University

Address: 511, 20, Leningradskaya St., Minsk, Republic of Belarus, 220030

E-mail: liliyalain@rambler.ru

French Jerusalem

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10018

In the mid-19th century, France rediscovered Palestine. At that moment, not only France but also other European countries and the Vatican had their ambitions in this part of the weakened Ottoman Empire. For centuries, the images of the Crusaders and their struggle against *les infidèles* have shaped the vision of the Holy Land. These images nourished the belief in the right of France, *the eldest daughter of the Church*, to represent Christians in Palestine. French policy during this period was ambiguous. The government defended anticlerical and republican values and tried to reduce the influence of Catholics. In Palestine, on the contrary, the French leaders supported religious communities and organizations. One of the activities of religious actors was a pilgrimage.

At the beginning of the 19th century, journeys to the Holy Land became a popular narrative for French novelists. It has also contributed to the popularity of pilgrimages. The Assumptionist Congregation organized a repentance pilgrimage to Palestine in 1882. That was the culmination of the French *golden age* in Palestine, both from a religious and political point of view. Representatives of all social groups took part in this pilgrimage, and its faith-based nature, free from the idle curiosity of travelers, was repeatedly emphasized by the organizers.

Keywords: France, Jerusalem, Holy Land, pilgrimage, Palestine.

References

Abbé Alazard. *En Terre Sainte*. Rodez, 1895.

Abbé Baldy. *Journal d'un pèlerin en Terre Sainte ou relation du premier pèlerinage populaire à Jérusalem en 1882*. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1882.

Abbé Mourot. *La Terre Sainte et le pèlerinage de pénitence en 1882*. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1885.

Ben Arieh Y. *The Rediscovery of the Holy Land in the Nineteenth Century*, Jérusalem, Magnes Press, 1979.

Bojani de F. *Innocent XI, sa correspondance avec ses nonces*. Rome: Desdee et C., 1910.

Bulletin de l'Œuvre des Pèlerinages, tome I (07/1856-10/1858), Archives assumptionnistes de Jérusalem.

Chateaubriand de F-R. *Œuvres romanesques et voyage*, Tome II, Paris, Gallimard, 1969.

Clausse N. *Récits de voyages en Terre Sainte (1820–1870)*. Thèse de doctorat. Université des sciences humaines de Strasbourg, 1994.

Djuvara T.G. *Cent projets de partage de la Turquie*. Paris: F. Alcan, 1914.

Eliav M. *Britain and the Holy Land, 1838-1914: Selected Documents from the British Consulate in Jerusalem*. Jerusalem, 1997.

Fischer E. *The Mikveh Israel School during the War Years, 1914–1918*. *Jewish Social Studies*, 1942, vol. 4, no. 3, pp. 269–274.

Géramb de R.P. *Pèlerinage à Jérusalem et au Mont Sinai*. Paris, pp. 76–77.

Goren H. Charles Gaillardot, *Renan's Man-in-the-Field: Physician and Scholar*. M. Abitbol (ed.), *France and the Middle East: Past, Present and Future (World Powers and the Middle East, The Harry S. Truman Institute)*. Jerusalem: Magnes, 2004, pp. 99–124.

Haran A.Y. *L'idée de Croisade En France Au XVIIe Siècle*. *France and the Middle East; Past, Present, and Future*. Edited by Michel Abitbol. Jerusalem: Hebrew University, Magnes Press, 2004, pp. 3–22.

Kaufman E. *The French Pro-Zionist Declarations of 1917–1918*. *Middle Eastern Studies*, 1979, vol. 15, no. 3, pp. 374–407.

Lalanne L. *Des pèlerinages en Terre sainte avant les croisades*. In: *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1846, tome 7. pp. 1–31.

Lamure B. *Le premier pèlerinage populaire de pénitence en Terre Sainte*. *Bulletin du Centre de recherche français à Jérusalem*, 14, 2004, pp. 9–34.

Laurens H. *La redéfinition des missions du consulat général de France à Jérusalem sous le Mandat*. M. Abitbol (ed.), *France and the Middle East: Past, Present and Future (World Powers and the Middle East, The Harry S. Truman Institute)*. Jerusalem: Magnes, 2004, pp. 167–183.

Le Pèlerin, n° 255, 1881.

Le Pèlerin, n° 264, 1882.

Ma'oz M. *Ottoman Reform in Syria and Palestine 1840–1861*. Oxford: Oxford University Press, 1968, pp. 218–219.

MAE. *Correspondance Commerciale*. Jérusalem, 1842–1847, vol. 2, fols. 9–10.

Mandrou R. De la culture populaire au XVIIe et XVIIIe siècles: La bibliothèque bleue de Troyes. Paris: Stock, 1964.

Mantsevich L. Creation of the State of Israel and the Jewish Community in France. *Tsaytskrift*, 2019, vol. 6 (11), pp. 193–198.

Maraval P. Récits des premiers pèlerins chrétiens au Proche-Orient (IVe-VIe siècle). Textes choisis, présentés, traduits et annotés par Pierre Maraval (Sagesses chrétiennes). Paris: Les Éditions du Cerf, 1996.

Nicault C. Français et Anglais au Levant de 1939 à 1941: les paradoxes d'une relation triangulaire, dans Abitbol M. (éd.), pp. 247–273

Nicault C. La France et le sionisme, 1897–1948. Une rencontre manquée? Paris: Calmann-Lévy, 1992.

Popoff A. La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXe siècle. St. Petersburg: Imprimerie «Russo-Française», 1910.

Prononcée dans les couloirs de la Chambre des députés de Léon Gambetta. URL: <https://dicotations.lemonde.fr/citations/citation-6725.php> (accessed 15.05.2020).

Rémond R. Le Père François Picard et le P. Vincent de Paul Bailly dans les luttes de presse. Rome: Paul Castel, 1962.

Shalit Y. Nicht-Muslime und Fremde in Aleppo und Damaskus im 18 und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts, Berlin: K. Schwartz, 1996.

Taleb S.A. La Colonisation de l'Orient arabe (1914–1918): Des Accords Sykes-Picot à la Déclaration Balfour. BoD – Books on Demand, 2018.

Trachsler R. Mout obscuras paroles. Etudes sur la prophétie médiévale, dir. avec la collaboration de Julien Abed et David Expert. Paris: PUPS, 2007.

Trénard L., Latreille A. et Remond R. Histoire du catholicisme en France. T. III. La période contemporaine, 1962.

Trimbur D. Une présence française en Palestine – Notre-Dame de France. Bulletin du Centre de recherche français à Jérusalem, 1998. URL: <http://journals.openedition.org/bcrfj/3962> (accessed 12.04.2020).

Tsimhoni D. Christian Communities in Jerusalem and the West Bank since 1948: An Historical, Social, and Political Study, Wetsport, Conn.: Praeger, 1993.